

Баку. 16, 17, 18 декабря, 2021 год...

Рахман БАДАЛОВ.

В Баку прошло важное культурное событие в рамках проекта «Культурное обновление», прежде всего связанное с музыкой. Мне удалось участвовать на двух концертах и 3-х дневном семинаре-дискуссии.

Сказал «важное» событие и невольно задумался. Несомненно, «важное», если судить по программе концертов и уровню семинара-дискуссии. Но трудно назвать его «важным», с точки зрения резонанса этого события в общественной жизни и его освещения в СМИ, прежде всего на нашем телевидении. Причин множество, выделю три, во-многом взаимосвязанные.

Во-первых, наше общество перестало верить в собственные возможности, ждет подсказки со стороны официоза, и подозрительно относится к мероприятиям, так или иначе, не санкционированным сверху.

Во-вторых, свою роль сыграло отсутствие независимой рефлексии, включая независимую экспертизу, которой публика могла бы доверять и которая в той или иной мере корректировала бы вкусы публики.

В-третьих, отсутствие института культурных менеджеров (прежде всего, продюсеров), которые в разумной мере были бы свободны как от диктата властей, так и от диктата массовой культуры.

Все это ведет к замиранию культурной жизни и к деградации публики, если мы будем бояться ставить неприятные диагнозы.

Несколько слов о трехдневном «семинаре» (название условное) «От постмодернизма к тотальной критике» в современной музыке, который провели композитор Фарадж Караев, и арт-критик Рауф Фархадов.

Возьму на себя смелость назвать этот «семинар», в условиях нашей рутинной культурной жизни, почти откровением.

Внешне все было очень просто. Композитор и арт-критик вслух публично разговаривали о музыке, с помощью компьютера проигрывали предложенную музыку, обсуждали, соглашались или не соглашались друг с другом, позволяли себе иронизировать друг над другом, подключали публику, внимательно прислушивались, отвечали, спорили, и все это происходило в атмосфере предельной доверительности и открытости.

И оказалось, что 3-х дней по два часа всем нам не хватило, что хочется продолжать разговор, нет-нет закрадывались

скептические мысли, когда мы снова соберемся, когда это продолжится, и продолжится ли вообще.

Что же нам мешает собраться вновь, на чем основан подобный скепсис?

Да ведь нет у нас композитора и арт-критика такого масштаба! Именно их присутствие придавало этому «семинару» не только интеллектуальный уровень, но и увлеченность и азарт, благодаря которым «музыка» оказывается много больше чем просто «музыка». Но только ли в этом дело?

Думаю, дело, прежде всего в нас самих. Ведь кроме всего прочего этот «семинар» обнаружил, что у нас сохранилась живая отзывчивая публика, состоящая как из профессионалов, так и любителей, только не хватает ей веры в себя, способности самоорганизовываться. И мы с вами, самоорганизовываясь, должны приглашать на подобные «семинары» того же композитора и арт-критика, а не они нас.

Будем считать, что это первая часть моих размышлений о проекте «культурное обновление», в первую очередь о 3-х дневном «семинаре» о современной музыке.

II. Продолжаю разговор о проекте «культурное обновление». Давно собирался об этом написать, «семинар» о современной музыке позволил вернуться к этому сложному вопросу, которые мы усложнили и запутали в силу своего ложного «патриотизма». Речь идет о русском языке в нашей жизни. Дело в том, что «семинар» о современной музыке проходил на русском языке, это относилось не только к композитору и арт-критику, это относилось и к публике, к ее вопросам, к ее комментариям.

Никто ни перед кем не извинялся, никто ни перед кем не оправдывался, все понимали подобный «семинар» возможен только на русском языке, что относится не только к тем, кто был в качестве спикеров, но и к тем, кто был в качестве слушателей. Скажем прямо, без обиняков, подобный «семинар» с переводом на азербайджанский язык был попросту невозможен. Да и не было необходимости в переводе, если все друг друга прекрасно понимали.

Скажу опять же прямо без обиняков, с русским языком наломали много дров, пока не поздно, следует признавать свои ошибки и по возможности выправлять ситуация.

Сфера распространения русского языка в Баку, и в досоветские времена («русский город» и нечего стесняться), и в советские времена была чрезмерной, ее так или иначе приходилось

суживать, но кто сказал, что вместе с мутной водой следует выбрасывать здорового ребенка.

Вновь скажу прямо и без обиняков, уровень «семинара» и концертов, и уровень программы на азербайджанском языке, буквально будто из разных культурных галактик, из разных времен, и давайте не будем себя обманывать, запрет на русский язык совершенно не означает, что уровень подобной программы на азербайджанском языке мгновенно станет пристойным. Что я имею в виду под призывом к реабилитации русского языка в нашей общественной и культурной жизни?

Прежде всего, принятие государственной официальной программы по развитию русского языка. Не надо бояться, что сфера распространения русского языка вновь может оказать чрезмерной, что ее вновь придется искусственно суживать. Такой опасности уже не существует, точно также не существует опасности дальнейшей разобщенности нашего общества, напротив, многие наши граждане, в том числе те, которые откликнулись на «семинар» по современной музыке, перестанут ощущать себя маргиналами в собственном городе, хорошо еще, что не изгоями. Официальная программа будет означать, что если кому-нибудь нравится программа «Что? Где? Когда?», которая идет на нашем ТВ на русском языке, пусть смотрит, но почему только эта программа, которую трудно выдавать за эталон современной культуры. Почему на том же ТВ не могут свободно выступать на русском языке тот же композитор и арт-критик, чтобы мы глубже и острее понимали процессы, происходящие в современной музыке. Кто-то не поймет композитора и арт-критика эти час-два посмотрит что-то другое, кто-то любознательный, но не демагогический, захочет понять, найдет способ как самостоятельно, с помощью Интернета или знакомых коллег, перевести этот текст.

Главное начать избавляться от постколониальных комплексов, которые и без этого принесли нам много бед.

Странно все что говорю о русском языке в нашей культуре кажется мне простым и ясным, но не покидает ощущение, что вряд ли меня услышат те, от которых зависит принятие решение. Будем считать, что это вторая часть моих размышлений

III. Продолжаю разговор о «семинаре» по современной музыке. Многое буду додумывать и додумывать, но после «семинара» одна мысль меня особенно окрылила.

Речь идет о том, что многие гении музыки, от Дюфаи (XV век) и Орландо Лассо (XVI век) до Моцарта (XVIII век), не говоря уже о прямых ниспровергателях музыкальных традиций более близких времен, были дерзкими не только в музыкальном, но и в социальном, и в политическом смыслах.

Об этом стоит напомнить, поскольку нередко в наших статьях о великих деятелях нашей культуры в Википедии, в перечислении их регалий, мы приглаживаем их судьбы, вольно или невольно подчеркиваем их лояльность официальной власти.

Мы превращаем их в памятники, и нам остается только восхищаться, класть цветы к их постаменту, проводить пафосные юбилеи, пр., пр.

Мы превращаем их в памятники, по существу подпитывая собственное тщеславие и собственной комплексы, оправдываем самих себя робких и послушных.

А они, наши гении, были не менее дерзкими, чем тот же Моцарт, которому европейская рефлексия не дает превращаться в памятник самому себе.

Будем считать это третьей частью моих размышлений.

Наконец, последнее, что хотел бы сказать, после концертов и «семинара».

Об этом думаю давно, искал аргументы «против», не находил, после концертов и «семинара», укрепился в этом мнении еще сильнее.

В нашей культуре, которую я в состоянии осмыслить только начиная с XIX века (не будем спорить, это отдельный сюжет) был только один Учитель в высоком и строгом его значении – это КАРА КАРАЕВ.

Для меня такое определение выходит далеко за рамки голой комплементарности.

Для меня за этим определением скрываются смыслы, составляющие и драму КАРА КАРАЕВА, и притчу КАРА КАРАЕВА, и его скрытое столкновение со своим временем, и то что он успел сделать, и – в не меньшей степени – что сделать не успел.

Об этом следует говорить смело, без комплексов, что и требует от нас фигура такого масштаба, которую не следует превращать в памятник, не только для того, что узнать самого Художника, но и самих себя, незаметно для себя превращающихся в собственное изваяние.